21987

9 2 1

ТУ–19–241–82

0

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—080

РГДБ
2015
Е. ВЕРЕЙСКАЯ
ТАНЯ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРКА
Художник О. Новозонов

Это было в декабре 1905 года. Таня жила в двухкомнатной квартире в фабричном районе города. Отец её был наборщик в типографии, мать—портниха.

Таня проснулась рано утром и очень удивилась, почему так тихо. И почему папа не собирается на работу? Разве ещё рано? — «Мама, почему нет гудков?» — спросила она. Мать не ответила.

—«Папа, почему ты не встаёшь?»—Отец улыбнулся: «Не загудят нынче гудки, Танюшка: забастовка у нас началась». 4

Прибежав в школу, Таня увидела, что в классе нет её подружки Симы и ещё двух девочек. А подружка Поля шепнула ей, что отца Симы и ещё многих рабочих ночью арестовала полиция.

Первый урок был закон божий... Батюшка долго говорил о том, что рабочие взбунтовались, против царя пошли и что бог их за это накажет. Дети слушали и молчали.

Возвращаясь из школы, Таня не узнавала улиц. Тихо. Фабричные трубы не дымят. Прохожих на улице мало, и те идут не спеша, разговаривают о чём-то вполголоса.

Вдруг навстречу—Сима, несёт хлеб из лавки. Бледная, глаза заплаканы.

Пошли вместе.—«У твоего папы нашли что?»—спросила Таня.—«Под матрацем штук пять прокламаций нашли»,—сказала Сима.

Из-за угла выехал казачий разъезд. Группа рабочих на улице проводила их гневными взглядами.—«Вон они, проклятые!»—прошептала Сима.

Вечером Таня заболела. Она лежала в постели и дремала. Когда в комнату вошёл отец, она даже не открыла глаз.— «Тише,—сказала мать,—Танюшка спит».

—«Пусть спит,—зашептал отец.—Принёс я...»—«Ой, как я боюсь за тебя!—шепнула мать.—Если попадёшься с этим, насидишься в тюрьме!»

—«Ты жена большевика и не смеешь трусить,—сказал отец.— Пора нам добыть себе свободу и человеческую жизнь.

—Гляди, совсем новенькие».—Таня приоткрыла глаза и увидела шрифт—много свинцовых кусочков и на каждом—буковка, выпуклая и шиворот-навыворот. Точно такие, какие она видела в типографии, когда отцу приносила обед.

—«В Москве началось вооружённое восстание,—шептал отец,—мы завтра напечатаем прокламации, будем призывать и наших рабочих восстать с оружием в руках против угнетателей».

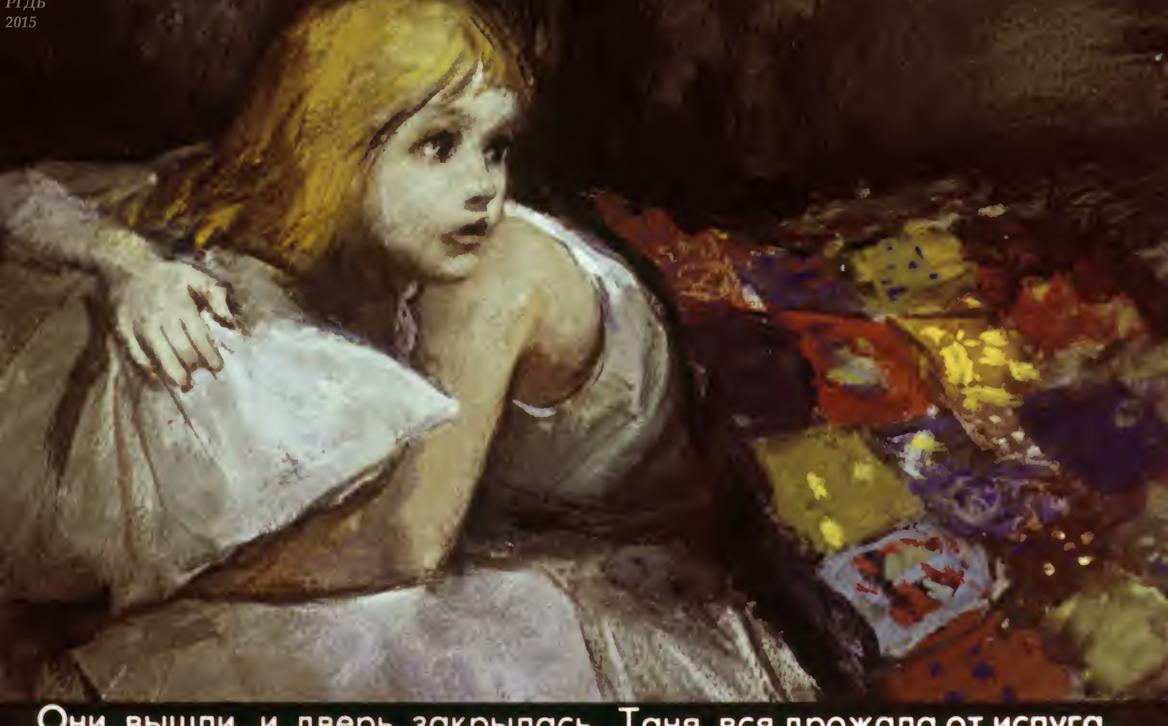
—«Я знаю, что так надо,—сказала мать.—Но душа у меня не на месте. А вдруг найдут у тебя шрифт...»—Дальше Таня не слышала: она заснула.

Проснулась Таня от того, что кто-то трогал её подушку.— «Мама, кто в той комнате разговаривает?»—спросила она.— «Обыск, полиция. Ты спи, авось тебя не тронут!»

В комнату вошёл городовой. — «Хозяйка, ну-ка, выходи!» — приказал он. — «А тут дочка больная спит», — сказала мать. — «Пусть она спит, а ты в ту комнату ступай», — ответил городовой.

Они вышли, и дверь закрылась. Таня вся дрожала от испуга. И вдруг вспомнила: «А где же шрифт?.. Мама что-то под подушкой рылась... Ну конечно он там, завязанный в тряпку».— Таня так и обмерла.

Она достала узелок из-под подушки. Куда спрятать? Ведь под подушкой найдут! Нашли же прокламации у Симиного отца! Сима говорила: всюду ищут...

Куда же спрятать? Если полиция найдёт на дому у наборщика шрифт — ясно зачем он ему: прокламации печатать... Спрятать скорее, а то не сдобровать папе!

Нет в комнате укромного места! На печку закинуть? Тяжёлый он, не добросить... А надо спрятать! Но куда?

Разве вот что попробовать—в кувшин? Ну, так и есть, в нём молока ещё много.

Нужно только убрать кувшин со стола, чтобы в глаза не бросался. Подальше, на подоконник!

Крепко узел затянут... Руки трясутся—никак не развязать! Надо рвануть зубами.

Ой, как громко зашуршал шрифт! А вдруг там услышат, войдут? Скорей, скорей!

Молоко поднялось до самых краёв, а шрифта ещё много... Придётся отпить. Чуть не поперхнулась!

Тряпку замочило молоко. Разложить надо её и горстями сыпать. И снова молоко наравне с краями. Ещё отпить надо!

Ух, всё там, до последней буковки! Теперь скорее бросить тряпку в корзину с лоскутами — и притвориться спящей.

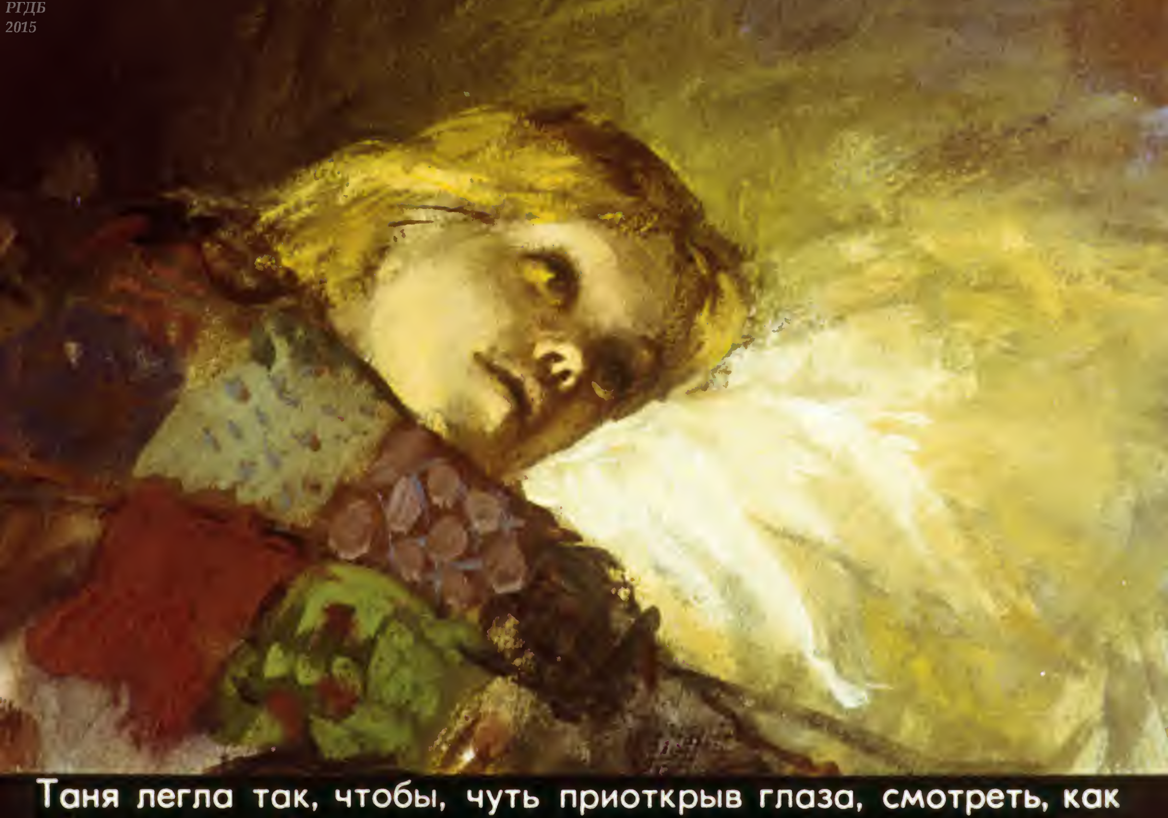
—«Только не троньте девочку, она очень больна»,—попросила мать, войдя в комнату с приставом и городовым.—«Нечего тут!—прикрикнул пристав.—Берите девчонку на руки».

Таня, словно без чувств, лежала на руках отца. Ей было очень страшно и очень жалко маму, и сказать-то маме нельзя, что шрифта под подушкой уже нет.

Она слышала, как сбросили её подушку и как шарили в кровати.
—«Ладно,—сказал пристав,— можете класть девчонку».

Таня легла так, чтобы, чуть приоткрыв глаза, смотреть, как обыскивают. И вдруг увидела: пристав направился к окну

и наклонился всей своей тушей прямо над её кувшином. Неужели догадался?.. Нашёл! У Тани замерло сердце. 34

Пристав сердито выругался: «Ходи из-за вас тут по ночам! Какая пурга за окном. Хозяйка, чего расселась? Очисти стол, протокол писать буду».

Тут Таня впала в забытьё и не слышала, что было дальше. 36

Когда она проснулась, было уже утро. Она чуть не закричала от радости, увидя отца. Цел папа, дома! Не арестован! — «Где же шрифт? Как в воду канул!» — недоумевал отец.

Таня расхохоталась и крикнула: «Не в воду, папа! В молоко!» — «Она бредит», — сказал отец.

А Таня смеялась: «Есть сказка. Жили старички, а у них кувшин волшебный был. Они молоко пьют, а он всё полный. Так и у вас с мамой!»

—«Танюшка, это ты его сюда?»—удивился отец.

—«Настоящая из тебя революционерка выйдет! Молодец, не растерялась!»—говорил отец, прижимая Таню к груди.

—«Как это так—«выйдет»?—возмутилась Таня.—Разве я уже не революционерка?»—«Верно,—улыбнулся отец,—и твоя капля в общем деле есть».

В сумерки отец рассыпал шрифт по всем карманам и, как будто с пустыми руками, ушёл из дому. Он отправился печатать прокламации.

Таня с матерью ждали его возвращения ни живы, ни мёртвы. Таня вспомнила отца Симы. А ну как и её папа...

—«Наконец-то! А мы уже не знали, что и думать!»—«Чего вы, глупые?—засмеялся отец.—Всё в порядке! Пригодился шрифт, который Танюшка спасла!»

Через несколько дней в городе началось вооружённое восстание.

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Д-209-79 Цветной 0-30